

УДК 316.752.4

КАК УПРАВЛЯТЬ НЕОДНОЗНАЧНЫМ ПРОШЛЫМ:

МЕСТА ПАМЯТИ И МЕСТА ЗАБВЕНИЯ

Нечаева А.А.,

Аспирант кафедры социологии культуры, факультета социологии

Санкт-Петербургский Государственный Университет

г. Санкт-Петербург, Россия

alex.nechayeva@gmail.com

HOW TO MANAGE THE UNKNOWN PAST:

PLACES OF MEMORY AND PLACES OF PLAYING

Nechaeva A.

Postgraduate student of the Department of Sociology of Culture, Faculty of

Sociology

St. Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

Alex.nechayeva@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье приводится и анализируется аргументация различных авторов как в пользу сохранения памяти о травмирующем прошлом, так и в пользу ее уничтожения. Раскрываются причины и последствия создания мест памяти и мест забвения. Кроме того, рассмотрение примеров управления памятью о нацистских лагерях в Германии, Украине и России позволяет

приблизиться к решению этического вопроса о долге памяти или формировании единства через забвение.

ABSTRACT

The given article presents and analyzes the argumentation provided by various scholars concerning the issue of saving the memory of challenging past or eliminating it. The causes and consequences of creating lieux de memoire and lieux de amnesie are revealed. Moreover, the study of Germany, Ukraine and Russia cases of dealing with the memory of Nazi concentration camps allows to approach the solution for an ethical question of the duty of memory or forming unity and identity through forgetting.

Ключевые слова: коллективная память; неоднозначное прошлое; места памяти; места забвения

Key words: collective memory; challenging past; lieux de memoire; lieux de amnesie

Двадцатый век был отмечен рядом травмирующих событий, которые определяют положение дел в современном мире. Недавний характер данных событий и степень разрушений, которые последовала за ними, объясняет необходимость рефлексивных практик, конструирование единого нарратива вокруг травм XX века. Помимо того, что войны, геноциды, нарушения прав человека являются событиями глобальной значимости, которые одновременно оказывают влияние на множество стран, они также должны быть вписаны в рамки коллективной памяти каждой индивидуальной нации. Прошлое неоднозначно, и перед каждым современным обществом стоит обязательство ответить на этический вопрос: стоит ли приложить усилия, чтобы помнить, или стоит забыть.

Драматические события XX века послужили основой так называемого «бума памяти», отмеченного возросшим междисциплинарным научным интересом

к вопросам формирования, функционирования и роли памяти. В ходе академических дискуссий вокруг неоднозначного прошлого были выделены две возможные стратегии взаимодействия с ним: сохранение и коммеморация событий прошлого в местах памяти или целенаправленное забвение в местах амнезии. В данной статье будет представлена аргументация обоих подходов с целью предпринять попытку внести вклад в поиск оптимального способа взаимодействия со сложным прошлым.

Места памяти

Немецкий историк Рейнхарт Козеллек предоставил исторический обзор появления мест памяти, отражающих травмирующее прошлое, делая акцент, в основном, на военных памятниках. До XIX века сражения и войны сохранялись в коллективной памяти нации только за счет превозношения лидера государства и восхваления его героических свершений. Однако, в начале XIX века начали появляться первые независимые военные мемориалы [7]. Козеллек полагает, что возможность помнить болезненные события прошлого свидетельствует о демократизации общества, приравнивании значимости гибели правителя к значимости смерти рядовых солдат. Память, содержащаяся в военных памятниках, осуществляет переход от простой коммеморации погибших к наделению данных смертей трансцендентальным контекстом борьбы за лучшее будущее для ныне живущих. Данный контекст устанавливает политическую власть, так как именно руководящая власть наделена полномочием определять высшую цель и значение смерти погибших в войне. Подобные социальные и политические коннотации заменили религиозное обоснование высшего предназначения смерти, понимаемого как движение к «лучшей» загробной жизни, существовавшее до XIX века. Козеллек отмечает тенденцию западного мира, проявившуюся в XX веке и продолжающуюся в современности, коммеморации трагедий прошлого через постановку вопроса в мемориале, а не предоставление ответа, не формирование единого значения, а стимулирование его поиска [7].

Историк полагает, что военные мемориалы должны быть установлены и включены в коллективную память до того, как они перейдут в естественное забвение в связи со сменой поколения и смертью последнего живущего свидетеля событий.

Автор концепта «мест памяти» Пьер Нора считает, что мы живем во время, когда настоящая «живая» память перестала существовать, что приводит к необходимости конструировать специальных мест, в которых память может быть кристаллизована [6]. Места памяти появляются там, где есть стремление помнить и страх забыть. Согласно Нора, каждая нация ищет оправдания своего настоящего в местах памяти прошлого [6]. Это объясняет возрастающее количество архивов, где в данный момент сложностью представляется уже не сохранение, а возможность разрушения некоторых проявлений прошлого. Память существует только в материальных свидетельствах, которые коллекционируются в подавляющем стремлении сохранить прошлое и «законсервировать» настоящее. Тотальная архивация является результатом неуверенности в будущем. Нора обосновывает создание мест памяти, предполагая, что спонтанной памяти больше не существует, акты коммеморации не происходят естественным путем, вследствие чего, должны быть созданы искусственно. С точки зрения Нора, места памяти выполняют роль блокирования процессов забвения за счет сочетания в себе материального, функционального и символического компонентов.

Кроме того, Нора вводит понятие «долг памяти» (duty-memory), объясняющей все увеличивающееся количество мест памяти. Каждая группа чувствует своим долгом узнать и сохранить в памяти свое происхождение и идентичность. Нора рассматривает крушение памяти как демократический процесс. С одной стороны, этнические меньшинства и пост-колониальные народы в XX веке получили возможность создавать собственные места памяти и презентовать собственную коллективную память. С другой

стороны, перестали существовать государства с единой однозначной идеологией, которая транслировалась через религиозные или образовательные институты, позволяющие сохранять преемственность настоящего от прошлого. В целом, в своих работах Нора не затрагивает вопросы забвения, делая предположение, что память о прошлом, желаемая или нет, является неизбежным феноменом эпохи всеобщей архивации и долга памяти.

Алейда Ассман внесла вклад в дискурс о долге памяти о прошлом, указав на то, что современные историки лишились авторитетной позиции в определении и представлении событий прошлого [4]. Сейчас обязанность формирования коллективной памяти лежит на самом сообществе. Автор полагает, что человек может одновременно принадлежать к различным социальным группам, чья память может пересекаться, при этом разделение коллективной памяти группы является необходимым элементом построения чувства идентичности [4]. Ассманн выделяет четыре типа памяти: индивидуальную, социальную, политическую и культурную. Вопрос относительно запоминания или забвения сложного прошлого решался бы на уровне нисходящей политической национальной памяти, кристаллизуемой в объектах и артефактах, которые придают ей транс-поколенческий срок жизни.

Поль Рикер подробно рассмотрел вопрос долга памяти и феномен забвения в коллективной памяти. Хотя автор признавал важность коммеморации травмирующего прошлого, Рикера волновал императивный характер стимулирования коллективной памяти в контексте ее использования и злоупотребления [8]. Он указывал на то, что коммеморативный акт должен быть спонтанным, не спровоцированным. Возвращаясь к проблеме неоднозначного прошлого, Рикер выделяет две основные причины, по которым его следует сохранять в коллективной памяти. Во-первых, травмирующие события прошлого служат историческим примером,

основываясь на оценке которого современные поколения могут научиться избегать ошибок в настоящем. Во-вторых, что еще важнее, сила справедливости объясняет обязательство помнить проблемное прошлое и превращает коллективную память в целостный проект [8]. Данная историческая справедливость формирует долг памяти, обязательство найти связующий элемент между объективным отражением фактов и функциональным элементом памяти. Рикер объединяет ценность справедливости с понятием долга, неотделимым от исторического и культурного наследия мест памяти. Долг может принимать форму чувства вины, которое испытывает преступник по отношению к жертве, но не ограничивается им. В труде «Память, история, забвение» автор говорит о постоянном чувстве долга, которое испытывают ныне живущие поколения перед своими предками, которые сформировали современное состояние окружающего мира. Рикер подчеркивает тот факт, что «моральный приоритет» всегда находится на стороне жертвы среди тех, по отношению к кому мы ощущаем долженствование [8]. В рамках дискурса одержимости памятью, на который указал Нора, и, в особенности, одержимости травмой (Виницки-Серусси) долг воспоминания постоянно балансирует на грани использования и злоупотребления памятью. В своих работах Рикер говорит о том, что в случае коммеморации неоднозначного прошлого становятся возможными два типа злоупотребления памятью. Первый из них произрастает из идеологии и провоцируется государством. Вторым является менее явным и исходит как бы из позиции жертвы, ищущей справедливости, вне зависимости от того, хочет ли группа жертв некоторого события быть представлена в коллективной памяти или нет. Рикер признает, что воздержание от коммеморации травм прошлого в некоторых случаях может сыграть положительную роль в формировании национального единства, однако, ценой лишения граждан возможности формировать собственную точку зрения, основанную на объективной репрезентации событий прошлого,

и ценой уничтожения из публичного сознания исторических ошибок, что могло бы предостеречь от повторения их в будущем.

Идеи Хабермаса формируются, в основном, вокруг воспоминания событий Второй мировой войны в Германии. Содержание данных идей во многом сходно с точкой зрения, предложенной Рикером. Хабермас полагал политику забвения неэтичной и настаивал на моральной ответственности, которая лежит на Германии в вопросе признания и принятия своего прошлого [9]. Автор считал установление справедливости необходимой функцией памяти, в то время как при выборочном отношении к прошлому или презентации его событий вне контекста, память была лишена возможность реализовать данную функцию. Хабермас был убежден в необходимости формирования «анамнестической солидарности» (термин В. Бенямина) немецкого народа с жертвами войны с целью морального пробуждения нации. Забвение травмирующего прошлого для Хабермаса означало потерю способности к критической само-рефлексии в настоящем и лишение демократических основ общества в будущем.

Джеффри Александер возвеличил роль необходимости сохранять в коллективной памяти травмы прошлого от простого служения ценности справедливости одной нации до превращения травмы в предельную транс-национальную моральную основу. Он прибегает к примеру Холокоста, указывая на то, как память о Холокосте превышает само событие и превращается в репрезентацию чистого зла. Подобные травмы нуждаются в коммеморации, чтобы иметь возможность давать оценку событиям настоящего [1].

Места забвения

Исследования забвения берут свое начало в когнитивной психологии, изучающей процессы угасания памяти. Исследователи XX века перенесли и адаптировали понимание индивидуального забвения к данному феномену в

коллективной памяти. В некоторых случаях забвение стало необходимостью XX-XXI века.

Норман Клейн, описывая места забвения в исчезающих районах центра Лос Анжелеса, дает объяснение трем принципам формирования подобных мест амнезии [5]. Один из них соответствует процессу «отвлечения», изученному в психологии, означающему, что во время создания одного воспоминания, какое-либо другое неизбежно исчезает. Это означает, что релевантная информация о настоящем вытесняет воспоминание прошлого. Второй источник уничтожения памяти связан с замалчиванием ошибок прошлого или даже успехов, достигнутых «неправильными» людьми. Еще один принцип основывается на создании образов «*imagos*» - идеализированный образ, представляющий прошлое до такой степени привлекательно, что объективные детали описываемого события подвергаются забвению. Клейн указывает на то, что в современном мире тотальное все-запоминание является бессмысленным и даже опасным. Он приводит резюме рассказа Борже, также подтверждающего точку зрения автора. Главный герой истории награжден способностью помнить все события прошлого и вскоре сходит с ума из-за подобного дара. В результате, Клейн находит частичное забвение необходимым при взаимодействии со сложными событиями прошлого. Автор ссылается на исследования в рамках психоанализа, где целенаправленная амнезия (не вызванная мозговой травмой) применялась в качестве лечения ряда заболеваний, например, депрессии или неврастении [5]. Фрейд подчеркивал механизмы забвения как способ стимулирования эмоциональной разгрузки. Подобный концепт может быть применен к коллективной памяти: с целью избежания массовых депрессий, некоторые травмы должны быть забыты.

Значительное количество модернистов позднего XIX века поддерживали идею целенаправленного забвения. Например, Ницше предложил принцип активного забвения в своей работе «К генеалогии морали» как

умиротворенное состояние сознания, позволяющее активизировать память. Для Ницше возможность забвения представляет форму порядка, без которого настоящее не представляется возможным.

Рикер также предложил собственное видение функционирования процессов забвения спорного и проблематичного прошлого. Стратегии забвения выстраиваются на модифицировании нарратива посредством устранения деталей образа прошлого, переноса акцентов, презентации основных акторов события в другом свете. Другой тип забвения заключается в полной передаче нарратива от основных социальных акторов, часто непосредственных участников события, к акторам, занимающим позиции власти, лишая возможности участников возможности коммеморации событий собственного прошлого. В таком случае реальная история забывается и заменяется мифом. Рикер называет забвение полу-активным, полу-пассивным поведением, происходящим под влиянием пассивного избегания и «желания не знать» (will not-to-know) и активного принятия ответственности опущения определенных событий [8]. Однако, позитивный аспект забвения может находиться в его близкой связи с прощением. Право простить, согласно Рикеру, является привилегией, которая может быть инициирована только в определенных случаях, определяемых по воле главы государства.

Гросс предполагает, что образ сознания, нацеленный на забвение, является превалирующим в западном мире. Он тщательно разрабатывает основные аргументы в пользу забвения травмирующего коллективного прошлого в своей работе «Lost Time: On Remembering and Forgetting in Late Modern Culture». Забвение прошлого может помочь нам освободиться от предрассудков, вызывавших непонимание и драматические опыты среди предыдущих поколений [7]. Кроме того, создание мест забвения (lieux de amnesie) позволяет избавиться от интерпретаций, свойственных прошлому, и оценить настоящее «свежим» взглядом. Гросс утверждает, что оставление

прошлого позади формирует пространство в коллективном сознании для фокусирования на будущем.

Стратегии забвения сложного прошлого могут применяться в ситуации необходимости реакции на международную критику. Политика амнезии, как правило, регулируется государством и призвана выстраивать патриотические национальные нарративы. Обоснование практики создания мест забвения может включать в себя сохранение и улучшение функционирования системы [9]. Забвение регулируется политическим видением национального государства, которое способствует легитимизации идей его суверенитета и сохраняет национальное единство перед лицом внешней критики [9]. Как правило, механизмы забвения активизируются образовательными институтами с целью формирования лояльных граждан, обладающих согласованной коллективной памятью. С целью выстраивания национальной идентичности, удовлетворительной с политической точки зрения, противоречия истории активно забываются и представляется односторонняя версия реальности. Другая значимая идея, высказываемая рядом авторов, заключается в том, что победитель может сделать выбор в пользу забвения. Но жертва, в большинстве случаев, предпочтет сохранить память о прошлом и проработать болезненные воспоминания.

В целом, представляется возможными выделить две основные категории функций *lieux de amnesie*: терапевтическая, позволяющая отойти от травм прошлого и сфокусироваться на будущем, и политическая функция построения национального единства.

Нацистские лагеря в России, Украине и Германии

Три кратких примера призваны проиллюстрировать различные способы презентации одного из наиболее травмирующих феноменов XX столетия – нацистских концентрационных лагерей – в России, Украине и Германии и проанализировать причины для коммеморации и забвения.

После периода утаивания воспоминаний Холокоста и Второй мировой войны Германия вынесла эти нарративы на широкое публичное обсуждение. На территории Германии существует множество примеров превращения концентрационных лагерей в музеи, включая Бухенвальд и Дахау. Выбор в пользу коммеморации своего прошлого попадает в категорию выстраивания справедливости и возвращения долга многочисленным жертвам нацистского режима, стимулируемую чувством вины. Еще одной мотивацией для подобного направления поведения является стремление провести черту между прошлым и настоящим, вынося урок из совершенных ошибок и фокусируясь на будущем. Однако, подобный подход или, иначе говоря, чрезмерный объем коммеморации наносит вред множеству жителей Германии. Некоторые отмечают, что иррациональное чувство вины за национальное прошлое сдерживает их от движения вперед.

С другой стороны, в Украине бывшие нацистский лагеря были превращены в места забвения. Концентрационный лагерь Шталаг328, предназначенный для советских заключенных, был основан на базе цитадели во Львове, построенной в 1850-х годах по указанию австрийских правителей с целью контролировать город в случае военных действий [3]. За время войны в Шталаге328 содержались и были доведены до голодной смерти 280 000 военнопленных, в основном принадлежащих к Советской Красной армии. В послевоенный период здание цитадели находилось в полузаброшенном состоянии, на этом месте никогда не было установлено и не установлено по сей день никакое мемориальное напоминание о прошлом использовании здания. В 2008 году на месте цитадели была открыта 5-звездочная гостиница, на сайте которой в разделе «История» постройку называют уникальным живым напоминанием о Австро-Венгерской империи, полностью опуская ужасающий период использования здания, связанный с нацистским прошлым. Похожий случай обращения с историей можно наблюдать в России в Пскове, где на территории бывшего нацистского

концентрационного лагеря, в котором погибли 75000 человек, недавно выстроили жилищный квартал [2]. Об истории места напоминает только небольшой обелиск, установленный при въезде на территорию квартала, который, однако, не остановил новых жильцов от приобретения апартаментов. Корни подобного уничтожения памяти о жертвах нацистских лагерей могли быть заложены в Советские времена. При Сталинском режиме полагалось считать военнопленных предателями Родины и предпринимать усилия для исключения их из коллективной памяти нации.

Кроме того, данные примеры указывают на то, как ради сохранения героического нарратива победителя во Второй мировой войне Россия и Украина предпочли стратегию забвения, чтобы избежать ассоциаций с позицией жертвы. Более того, подобные *lieux de amnesie* помогают политическим силам избегать общественной полемики и формировать целостную национальную идентичность перед лицом внешней международной критики. Однако, происходит это за счет девальвации и лишения уважения к сотням тысяч жизней погибших советских граждан и их живущих членов семьи.

Как показывают рассмотренные примеры и позиции различных авторов, как коммеморация, так и забвения могут иметь негативные последствия. Как же в таком случае обращаться с неоднозначным прошлым? В качестве одного из возможных решений может выступать предложенная Рикером работа памяти в направлении духа прощения. Если бы события прошлого могли вспоминаться беззлобно в «мирном ключе», не существовало бы необходимости скрывать прошлое. Таким образом, долг памяти заменяется живым функционирующим режимом памяти. Другим решением может стать мульти-вокальная коммеморация, одновременно представляющая различные точки зрения [7]. Это означает конструирование места воспоминаний, предоставляющего возможность извлекать различные пласты смысла, где группы людей с различными позициями относительно прошлого могли бы

участвовать в его коммеморации, учитывая различные интерпретации. Предложенные решения могут столкнуться со значительными сложностями при попытке воплощения их в жизнь, особенно в том случае, если социальные агенты памяти обладают обширным влиянием и властью, а травмирующие события прошлого все ещё являются частью актуального современного дискурса, пользуясь понятием А. Ассман, – частью живой социальной памяти.

В заключение стоит отметить, наше прошлое и место, которое оно занимает в коллективной памяти, постоянно оказывает влияние на политическую и социальную жизнь настоящего. Неоднозначное прошлое нуждается в признании и справедливости, каждая нация постоянно встает перед выбором: превратить ли его в место памяти или уничтожить его следы в месте забвения. Данная работа позволила сделать некоторый вклад в разрешение данного вопроса и показала, что стратегия памяти руководствуется добродетелью справедливости и моральными ценностями, в то время как стратегия забвения на первое место выносит национальные ценности, стремится «залечить раны» нации ради фокуса на будущем, избегания противоречий, конструирования национальной идеологии. Память о сложном прошлом требует значительной проработки, принимающей во внимание особенности каждого отдельно взятого случая, так как не может существовать единственно верного и одинаково применимого метода для каждого события и каждой страны.

Список литературы

1. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. – М.: Праксис, 2013.
2. Кантор, Ю. Необронзовые солдаты // Время новостей, № 231, 16.12.2010.
3. Портнов, А. Места забвения во Львове. Война памяти. – Кембридж: University of Cambridge, 2011.

4. Assmann, A. Re-framing memory. Between individual and collective forms of constructing the past // Tilans, K. (Ed.) *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – p. 35 – 50
5. Klein, N. *The History of Forgetting: Los Angeles and the Erasure of Memory*. – London: Verso, 1997.
6. Nora, P. Between history and memory: Les Lieux de Memoire // *Representations*, № 26, 1989. – p. 7 – 24
7. Olick, J. (Ed.) *The Collective Memory Reader*. – Oxford: Oxford University Press, 2011.
8. Ricoeur, P. *Memory, History, Forgetting*. – Chicago: The University of Chicago Press, 2004.
9. Tzanelli, R. Solitary Amnesia as National Memory: From Habermas to Luhmann // *The International Journal of the Humanities*, vol. 5, № 5, 2007. – p. 253 – 260